

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 18-го Мая 1908 года.

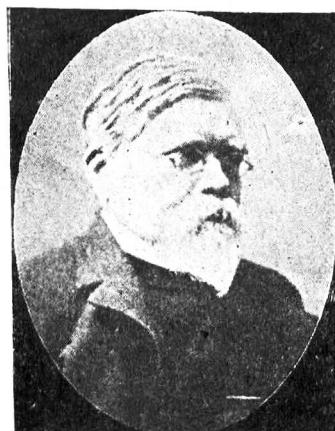
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9389.

А СОЛОВЕЙ ВСЕ ПѢЛЪ...

Небольшая комната была пропитана смешаннымъ запахомъ всякихъ лекарствъ и тѣмъ особенно тяжелымъ, гнетущимъ запахомъ, какой бываетъ въ комнатѣ тяжело-больного. Высоко въ углу подъ иконой тускло горѣла лампадка.

Окно выходило въ садъ, а за окномъ... За окномъ пѣлъ соловей...

Странныя тѣни ложились по комнатѣ, ползали по стѣнамъ и перебѣгали съ лица больной на лицо сестры милосердія и обратно. Луна то выглядывала изъ-за деревьевъ, уже одѣвшихся листвой, то пряталась за ними. Она какъ бы кокетничала съ этими деревьями, какъ бы играла съ ними въ прятки. А деревья тихо шелестѣли своими вѣтвями, покачивались изъ стороны въ сторону, то пропуская серебряные лучи, то скрывая ихъ.

Н. Ф. Толочиновъ,
профессоръ и директоръ земскаго
родильнаго дома.
Скончался 9-го мая.

Сколько воспоминаний о неудавшейся жизни, о красивыхъ мечтахъ... Кому поетъ сейчасъ этотъ соловей? И когда, наконецъ, онъ будетъ пѣть въ кустахъ, надъ одинокимъ, забытымъ холмикомъ, подъ которымъ будетъ лежать она? Когда, наконецъ?... Старая дѣвица живучи...

Больная позвала:

— Вѣра Константиновна, подите на минуточку ко мнѣ. Скоро я умру?

— Что вы, барышня, Богъ съ вами, что вы таксе говорите; вы еще сто лѣтъ проживете.

— Ахъ, зачѣмъ вы мнѣ это говорите? Я безнадежно больная. Я это знаю. Не надо неправды. Но мѣсяцъ я еще проживу?

— Вамъ нельзя разговаривать, барышня.

— Что за вздоръ! Я хочу говорить. Я таکъ много молчала... Я всю жизнь мол-

Выносъ тѣла Н. Ф. Толочинова,
послѣ отпѣванія въ Университетской церкви, при отправленіи на вокзалъ, 11 мая.
(По фотографіи Анатолія Вернера).

Кругомъ было тихо. Вся природа какъ-бы застыла, прислушиваясь къ пѣнію соловья. Вѣтеръ, казалось, былъ его пѣніемъ убаюканъ, птички куда-то попрятались, листья шелестѣли сдержанно. А соловей все пѣлъ... И то, что его не было видно, и его пѣніе выходило откуда-то изъ глубины, дѣжало его пѣніе таинственнымъ, фантастичнымъ...

Безнадежно больная!... Еще недѣля, еще, быть можетъ, мѣсяцъ,—и сердце перестанетъ биться, глаза закроются навсегда. Соловей поетъ для нея въ послѣдній разъ. Онъ поетъ ей отходную.

Двадцать лѣтъ... Вѣдь, она почти не жила. Гдѣ эта красавица, гордая жизнь, о которой она такъ много мечтала?

Воздушные замки, мыльные пузыри...

Сестра милосердія поправила ей подушку и подошла къ окну. Лицо у нея желтое, сморщенное, напоминающее скверный пергаментъ. Глаза тусклые, глубоко сидящіе, темные круги подъ глазами.

Пятьдесятъ лѣтъ... Пол-жизни... нѣть, вся жизнь... Что осталось впереди?

Можетъ быть, еще много пройдетъ лѣтъ, она еще много разъ будетъ слушать соловья. Ахъ, этотъ соловей...

чала... Всю жизнь... Я могу это сказать, потому что моя жизнь позади...

Она закашлялась.

— Ну, милая, ну, не надо, не волнуйтесь.

Сидѣлка заволновалась, стараясь облегчить больной ея страданія.

— Вся жизнь позади, продолжала больная, а я, вѣдь, еще не жила. Какъ это ужасно...

А соловей за окномъ все пѣлъ. Онъ, казалось, весь ушелъ въ это пѣніе, забылъ обо всемъ прочемъ на свѣтѣ. И, казалось, что никогда не было со-

ловья, а было одно лишь пение словья.

— Вера Константиновна, вы слышите, вы слышите, как он поет?

Больная залилась слезами.

— Не надо, милочка, плакать. Вы молоды, вы можете еще выздороветь. И вами соловей будет еще петь о счастье...

— Правда? Правда?..

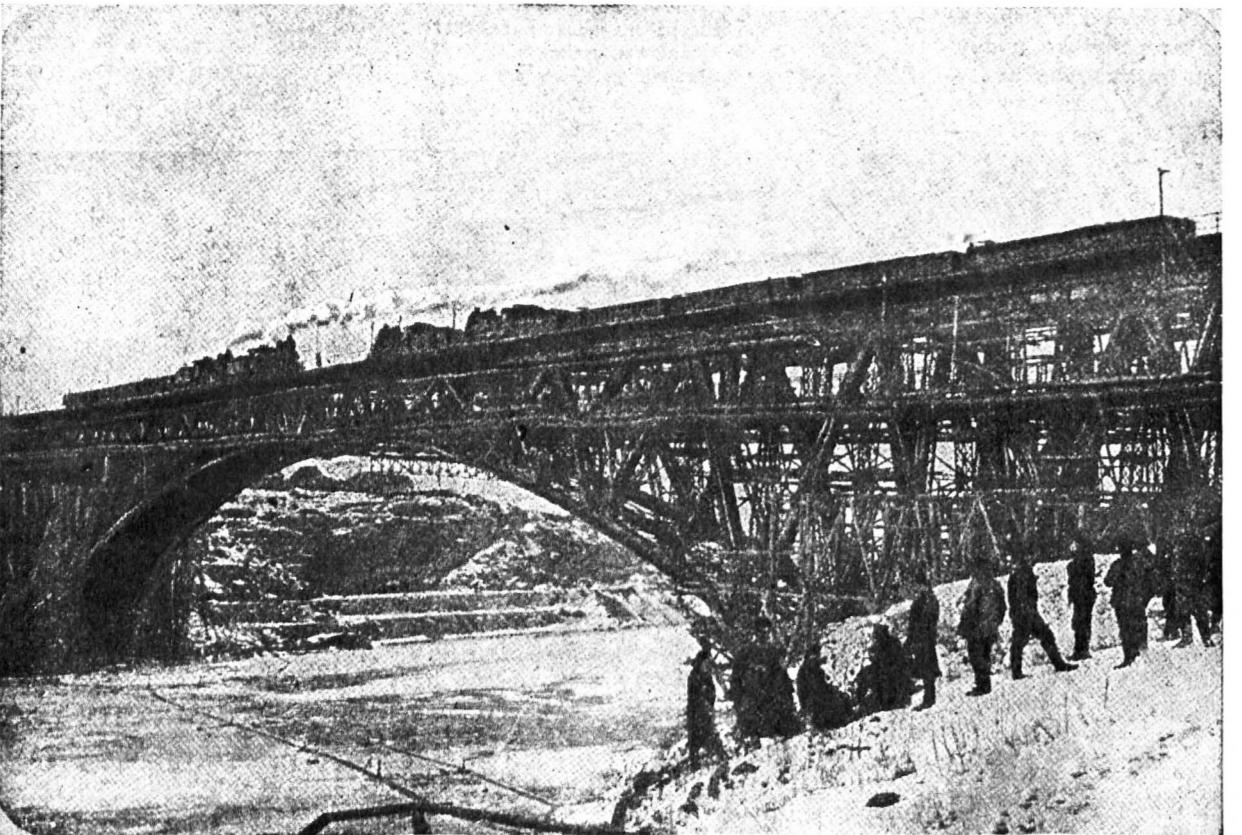
Больная схватила сиделку за руку. Глаза ее загорелись надеждой, но сразу же опять потухли.

— Правда, милая; нет на свете ничего невозможного. Я старый уже человек и много я знаю таких слушаю.

— Не надо... Не говорите... Еще мы ся — не больше... Еще один мы ся...
А соловей не слыхал вспять, вырывавшегося из больной груди; соловей не видел лихорадочного блеска глаза. Он пел за окном... О чём? О счастье?..

Дианин,
основатель "Красного Креста", по
случаю его 80 летия.

Кичасский мост через Днепр.

Мост этот является как по своей системе, так и по грандиозности — первым не только в России, но и во всем континенте Европы. Кроме двойной колеи, расположенной по верху моста, устроено приспособление для конного движения внизу по средине моста. Проект составлен инж. Вас. Дм. Лата, выполнены мост Александровским Ю. Р. заводом Бранского Общества. Рисунок изображает общий вид моста. Так как весь мост представляется однолинией, — это мост не мешает судоходству. Постройка его производилась без вбивания свай в дно реки.

— Жить... Я хочу жить... Вера Константиновна... Тогда тоже пел соловей... Большой, тёплый сад... Мы сидели на дальней лавочке... Он держал мою руку, нежно гладил ее... И шептал мне слова любви... вечно любви... Где он сейчас?... Вера Константиновна, есть вечная любовь?... Почему каждую весну поет соловей?...

— Милая, успокойтесь, вами нельзя говорить.

— Кому нужна эта вечная любовь? Через месяц меня не будет.

— Ох, барышня, иному и жизнь не мила.

— Да, да... Для тех, которые живут все завтрашним днем...

— И для тех, которые живут вчерашиным днем...

Ветви закачались быстрее, и тени на полу и на стенах стали еще фантастичнее.

Больная опять заговорила:

— Он молод, красив... Глаза темные, глубокие... Они смотрели на меня с такой любовью, они смотрели в мою душу. И когда он говорил о любви, я забывала обо всем на свете...

Вера Константиновна, вы любили когда-нибудь?

— Да, давно. Тогда тоже пел соловей. Мы тоже сидели в тёплом саду, и он тоже был красив и молод. Я была молода. Много раз пел соловей...

А соловей все пел за окном...

— Вера Константиновна, вы слышите его?.. Он зовет к жизни... Он поет гимн любви... вечной любви...

Больная слушала ее с каким-то ужасом. Это старое, морщинистое лицо стало мечтать, принимать другой облик. Вот она видит ее молоденкой девушки, с веселыми, живыми глазами, со вздернутым носиком. Вот она склоняется на плечо к молодому, прекрасному возлюбленному и трепетно слушает его страшных речи.

— Вечная история! продолжала сиделка. Я жизнью сыта, о, по горло сыта. Всю свою трудилась и все заботилась о завтрашнем дне... чтобы не умереть с голода. Не было у меня на свете никого, решительно никого. И я все помнила о нем... Не могла его забыть... А когда поет соловей...

Старушечные глаза уже разучились плакать. Они когда-то наплакались вдоволь...

Когда поет соловей, мне хочется плакать...

Есть ли вечная любовь? Не знаю. Но есть вечная жажда любви. Это я знаю.

Много раз пела потом соловей. Он пел, когда я хранила свои надежды; он пел, когда я выплакивала свои глаза; он пел, когда я проклинала свою долгую, постыдную жизнь...

Больная издала вздох, похожий на стон:

— Он поет мне сейчас отходную... Жить... Хоть бы еще пять лет... четыре года...

Сиделка прервала ее:

— Он поет мне про прожитых долгих годах, о днях без просвета, без солнечного луча. Он поет обманутой любви, о разбитой, да, разбитой жизни...

— Да, да, моя милая, — печально прервала ее сиделка, — вечной любви. Он мне тоже пел...

Был чудный вечер. Такой, как сейчас. Дом был весь освещен, иллюминирован. Сад был тоже иллюминирован.

Я сидела на дальней лавочке. Одна... Он был там, в доме, возле своей невесты... У него было счастливое лицо. У всех гостей были счастливые лица. Женихи и невесты сидели на балконе. Их освещала луна, и я их хорошо видела. Он наклонился к ней и нежно заглядывал ей в глаза... как мне недавно тому назад... И соловей пел им так же, как нам недавно этому назад... Ох, моя милая, вечная история!..

Больная протянула к окну свои длинные, искуданные руки и воскликнула, насколько позволяли ей большие легкие:

— Он поет о вечной любви!

И, как эхо, повторила сиделка:

— О вечной любви... О вечной жажде любви. О любви, которая никогда не приходит, или которая никогда не возвращается.

И оба существа зарыдали. Молодая жизнь, стоявшая на краю могилы, истощенная, уже отжившая, тянувшаяся отвращением своих долгих дней... Глакали они о счастье, которое могло бы быть, но которого не было.

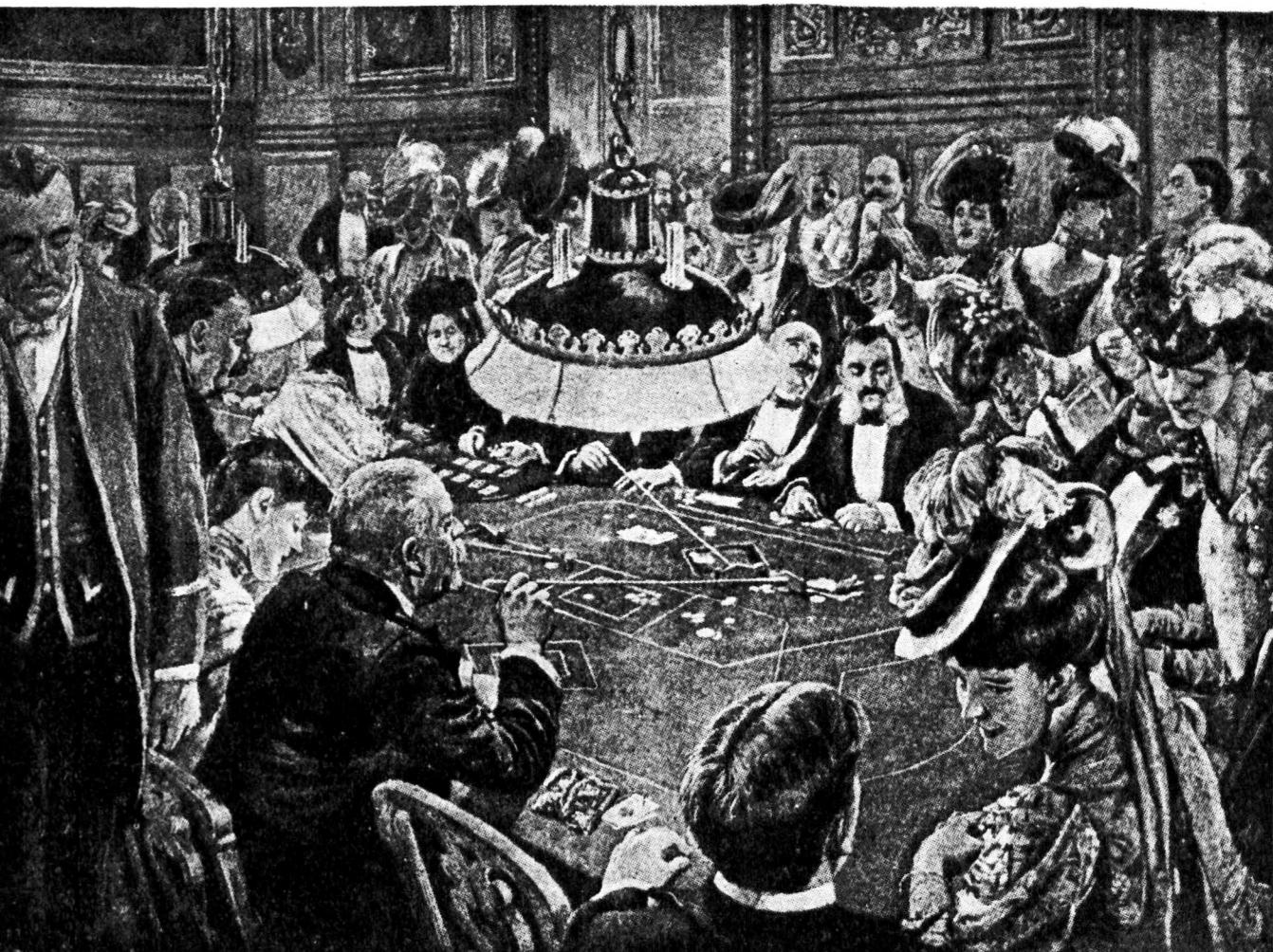
А соловей за окном все пел...

Б. Павловъ.

Ежедневная раздача хлеба нищим,
в 6 часов утра, из булочной Муравеева.

(По фотографии Анатолия Вернера).

В Монте-Карло.
Игра в trente et quarante.

Разные разности.

Кролиководство.

Кролиководство имело огромное распространение во Франции, Англии и Бельгии. Значение его в торговле-промышленном мире этих стран, благодаря до-

ходности мяса, меха, кожи и пуха, растет с каждым годом.

Натуральные кроличьи меха на Западе в большом спросе, так как прочные и красивые кенгуровые. Меха под названием «котиков» — на самом деле кроличий, механически подстрижен и

подкрашен под цвет котика; заграниценная тщательная выделка, глянцевитый и красивый вид делали его модным.

Мягкая шерсть из меха пуха вычесывается из кроликов, и заграницей в большом употреблении; идет она преимущественно на легкую фетровую шляпу.

„Дѣтское утро“.

въ пользу благотворительныхъ учрежденій при Евангелическо-Лютеранской церкви, въ саду бывшаго помѣщенія собранія приказчиковъ. 11 мая 1908 г.
(Съ фотографіи Анатолія Вернера).

теплые перчатки, вязаные чулки, фуфайки, дамские платки и дорогая пуховая сукна. Въ окрестностяхъ Кайены жители занимаются разведеніемъ кроликовъ исключительно ангорской (блой) породы для продажи пуха. Отрасль эта такъ развилась, что въ данное время въ Кайенѣ имѣется несолько прядильныхъ фабрикъ.

Кожа съ двухлѣтнихъ кроликовъ по обработкѣ такъ толста, что годится на дамскую легкую обувь, туфли, подметки, а съ 4—5 мѣс.—на лайку и замшу.

У насъ въ Россіи разведеніе кроликовъ находится пока еще въ начаточномъ состояніи, но, хотя и медленно, все-таки двигается впередъ. Въ данное время имѣются уже разсадники въ губерніяхъ: Московской, Орловской, Харьковской, Нижегородской, Воронежской и Костромской.

Въ ноябрѣ 1907 г. костромской отдель рос. Об-ва сельско-хозяйственного птицеводства обратился съ просьбой къ кролиководамъ о высылкѣ несолькихъ экземпляровъ крупныхъ кроликовъ для раздачи крестьянамъ. Московскія кролиководства: Императ. общ. люб. птицеводства и С. Е. Голубицкаго удовлетворили это ходатайство и ими были высланы крупные мясные экземпляры бельгийской породы.

Въ ростокинской волости, Московского уѣзда, развиты кустарные промыслы по вязанию пряжи и выдѣлки «оренбургскихъ платковъ» изъ козьяго и кроликоваго мѣха. Разведеніемъ кроликовъ ангорской породы съ промышленной цѣлью занимается «Зосимовская пустынь». Тамъ ихъ болѣе 500 штука, и монастырь имѣетъ солидный доходъ отъ продажи изделий изъ ангорского пуха, котораго собира-

ютъ болѣе 6 пудовъ, цѣною по 12 рублей за фунтъ. Содержаніе этого стада кроликовъ обходится монастырю очень дешево, такъ какъ лѣтомъ ихъ кормятъ исключительно травою, а зимою—сѣномъ.

Кромѣ того, какъ въ Москвѣ, такъ и въ другихъ городахъ, преимущественно при земскихъ упрахахъ открылись бактериологические институты для полученія прививокъ отъ бѣнечества, дифтерита и проч.; требованія выражаются въ сотняхъ штукъ по 1 рублю за штуку.

По мнѣнию кроликовода С. Е. Голубицкаго эта новая въ Россіи отрасль доходного животноводства въ будущемъ достигнеть широкихъ размѣровъ, такъ какъ содержаніе одного кролика въ несолько разъ покрывается его доходностью.